

Новая книга.

Донъ Кишотъ Ламанхскій. Сочиненіе Серванта. Переведено съ Французкаго Флоріанова перевода В. Жуковскимъ. Въ 6 Томахъ. Въ 12 долю листа. Москва. Въ Типографіи Платона Бекетова.

[OCR Бычков М. Н.](#)

<http://az.lib.ru>

Г. Жуковский оказалъ пріятнѣйшее одолженіе Любителямъ отечественной Словесности, предложивъ имъ такую книгу, которая переведена и безпрестанно переводится на всѣ языки, и которую уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ люди всякаго званія читаютъ съ великимъ удовольствіемъ,

Михайла Сервантъ Сааведра родился въ 1547 году, при Карлѣ V, а умеръ 1616. Отъ былъ современникъ знаменитаго Лопеса де Веги, слѣдственно Золотаго вѣка Испанской Словесности. Онъ прославилъ отечество своими сочиненіями, и -- подобно Гомеру, Камоенсу и другимъ великимъ людямъ -- нашелъ отечество уже послѣ смерти, проводши всю жизнь свою въ крайней бѣдности. Серванту было пятьдесятъ лѣтъ, когда понадобилось ему съѣздить въ Ламанху. Жители деревеньки Аргимазиллы съ нимъ поссорились, посадили его въ тюрьму, и долго въ ней продержали. Тамъ то началъ онъ писать *Донъ Кишота*, и въ отмщеніе своимъ оскорбителямъ назвалъ Ламанху отечествомъ Героя. Можетъ быть никто другой не умѣлъ такъ хорошо смѣяться надъ предрасудками, свято храня чистоту нравственности; онъ одинъ нашелъ средство, въ продолженіи нѣсколькихъ томовъ, занимать читателя бреднями помѣшаннаго на рыцарствѣ *Донъ Кишота*, смѣшнаго и любезнаго, жалкаго по безумію и удивительнаго по уму: ибо все, что Герой говоритъ не о рыцарствѣ, кажется внушено самою мудростію, и дышетъ любовію къ добродѣтели. Читатели увидятъ это изъ слѣдующаго разговора между *Донъ Кишотомъ* и Ламанхскимъ Дворяниномъ; увидятъ также, къ какому классу Переводчиковъ надлежитъ причислять Г-на Жуковскаго. Тѣмъ охотнѣе помѣщаемъ слѣдующее извлеченіе, что оно, какъ отрывокъ пріятный и занимательный, соотвѣтствуетъ плану Журнала.

Томъ IV. стр. 183 „Имѣю одного сына, государь мой, и долженъ вамъ признаться, что не нахожу въ немъ такого утѣшенія, какое найти надѣялся. Ему осмнадцать лѣтъ; онъ учился въ Саламанкѣ; знаетъ по Гречески, по Латыни, но по несчастію такъ привязался къ Поэзіи, что пересталъ думать о другихъ наукахъ, гораздо полезнѣйшихъ въ обществѣ. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться своими способностями, своимъ умомъ, для приобрѣтенія какого нибудь выгоднаго званія по службѣ, онъ занимается -- чѣмъ вы думаете? -- вздорными сравненіями стиховъ Гомеровыхъ съ Вергиліевыми, разборомъ эпиграммъ Марціаловыхъ и сличеніемъ ихъ оригинала съ толкованіемъ Комментаторовъ. Онъ думаетъ о фортунахъ, о деньгахъ, о чинахъ гораздо меньше, нежели о Гораціѣ, Тибуллѣ Ювеналѣ. Отечественныхъ Поэтовъ почитаетъ онъ маловажными; презираетъ всѣ новые языки: то, что написано не по Гречески и не по Латыни, кажется ему посредственнымъ и недостойнымъ никакого вниманія.

"Я не имѣю нужды напоминать вамъ, государь: мой, сказалъ Донъ Кишотъ, что недостатки дѣтей не должны уменьшать любви родительской. Отцы безъ сомнѣнія обязаны заранѣе выбрать для дѣтей своихъ лучшую и выгоднѣйшую дорогу, быть ихъ путеводцами, имъ руководствовать, наполняя сердца ихъ любовію къ добродѣтели; но если дѣти уже въ лѣтахъ, если, не удаляясь отъ сей добродѣтели, они откажутся идти по тому поприщу, на которое ведутъ ихъ насильно; если чувствуютъ рѣшительную склонность къ тому, а не къ другому званію -- къ той, а не къ другой наукѣ: то, кажется мнѣ, отцы и матери не имѣютъ никакого права ихъ неволить. Такое насиліе можетъ быть позволено одному ремесленнику, которой, доставая хлѣбъ работою, долженъ выучить и дѣтей ремеслу своему. Что же касается до васъ, государь мой, то вы напрасно не радуется привязанностію вашего сына къ Поэзіи. Она есть прелестная, цвѣтущая дѣва, которой пріятностямъ, блеску и скромной стыдливости удивляются и уступаютъ пальму всѣ прочія науки, завистливыя и гордыя между собою, покорныя одной Поэзіи, единогласно признанной отъ нихъ царицею. Покланяться ей не почитаютъ онѣ униженіемъ, и стараясь украшать ее, сами украшаются. Счастливъ молодой человекъ, привязанный къ Поэзіи! счастливъ, если умѣетъ любить ее! Онъ долженъ и щадить и беречь стыдливую красавицу, долженъ скрывать ее отъ взоровъ порочнаго, не желать для нее успѣховъ ничтожныхъ и постыдныхъ; не продавать ее злѣбѣ и гордости въ ѣдкой сатирѣ; не выставять ее на сцену передъ глазами безумцевъ и невѣждъ -- я разумѣю подъ симъ именемъ не одну толпу зрителей сидящихъ назади, но и толпу знатныхъ господъ, которые не лучше судишь умѣютъ, сидя впереди. Если вашъ сынъ, государь мой, въ такомъ смыслѣ любитъ Поэзію,